

of artistic forms embody meanings took from a symbolic core of sacral objects. Also, the paper gives a brief review of evolution of souvenir production industry since the 19th century till now. Authors' opinion on a place of a souvenir in day-to-day culture, mass culture, and touristic sphere is expressed. Specifics of a traditional ethnic souvenir is explained.

Keywords: *an artifact, sacral, souvenir, world view, culture genesis, cultural heritage, an archetype.*

УДК 130.2(4/5)

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-3-33-39

З. П. Морохоева, доктор философских наук, профессор
Варшавский университет (Варшава, Польша)
dharmal710@gmail.com

ЕВРАЗИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И КУЛЬТУР

Аннотация. Представлен этимологический анализ дефиниции «Евразия»; охарактеризованы смысловые оттенки термина, приобретаемые им в зависимости контекста употребления: в философском дискурсе, географической науке, политической мысли, литературе. Охарактеризованы взгляды виднейших теоретиков евразийства – религиозного философа и историка Л. П. Карсавина (1882–1952 гг.), этнолога и философа Л. Н. Гумилёва (1912–1992 гг.) – на равноправный межкультурный диалог как базовый фактор культурного сближения этносов евразийского макро-региона; раскрыта специфика рецепции классического наследия евразийцев в трудах современных российских исследователей – в частности, философа и синолога В. В. Малявина (род. в 1950 г.), рассматривающего евразийский проект как гармоничный сплав элементов русской и дальневосточной цивилизаций.

Ключевые слова: *Евразия, евразийство, консубстанциальность, реляционизм, взаимодействие культур и цивилизаций, «Я и Другой», диалогическое отношение, Л. П. Карсавин, Л. Н. Гумилёв, В. В. Малявин.*

В современном глобализированном мире возникает острая потребность разработки адекватных до изменившихся условий средств для межкультурной коммуникации. Прежде всего, это необходимо для регулирования социальных очагов нестабильности, конфликтов, возникающих то и дело в разных уголках планеты. Сложности, возникающие при этом, связаны с тем, что природа межкультурной коммуникации обусловлена многообразием культур и цивилизаций. Когда взаимодействуют культурные миры с разными ценностями, нормами, традициями, то в процессе коммуникации их представителей выплывает множество стереотипов, предвзятости как результат взаимного непонимания. Необходимо искать средства, позволяющие преодолевать барьеры коммуникации.

Важной чертой культурной глобализации является интенсификация коммуникации между человеческими сообществами на основе информационных технологий, миграций (легальных и нелегальных) людей в мире. Взаимодействие культур происходит посредством наложения контекстов носителей разных культурных традиций, благодаря создающейся таким образом открытости «инокультурным» образцам, а также посредством распространения массовой культуры. Эти контексты делают все более проницаемыми территориальные границы, размывают культурные традиции. Детерриторизация, внеисторичность, полицентризм, релятивизм характеризуют культурную глобализацию.

В настоящее время особенно актуальным является поиск идентичности современного человека. Читателя может заинтересовать разработка методологии межкультурной коммуникации на основе принципа разнообразия. На примере разработки идеи Евразии можно проследить разные подходы к проблеме коммуникации «Я» и «Другого».

В истории идей понятие Евразии появляется в нескольких значениях. Прежде всего, это географический термин, обозначающий континент на планете Земля. В двадцатом же веке понятие Евразии служило для конструирования идеологии, обосновывающей перспективы развития человечества. Собственно, этот последний аспект нас более всего интересует. И вот почему. История государств и народов свидетельствует о том, что социальные процессы, происходящие в каком-либо конкретном месте на Земле, нуждаются в их оформлении определёнными идеями. Так и в случае с Евразией – необходимость в конструировании идеи Евразии возникло в России на рубеже XIX–XX веков, когда актуальным стал вопрос об определении путей развития России. Но и сегодня в эпоху глобализации, когда снова возникает проблема определения перспективы сосуществования людей на Земле, понятие Евразии может послужить одним из инструментов для этого.

Понятие Евразии, обозначающее географический континент, создавалось как научное понятие по законам классической логики Аристотеля на основе субстанциального принципа подобия или сходства. Благодаря допущению общего для свойств вещей и их отношений субстрата или субстанции оформляется матрица, благодаря которой можно утверждать о вещи как о некоем постоянстве «есть». Элементы в такой целостности существуют пространственно как частицы. Они статичны. Так, согласно древнегреческим атомистам Левкиппу и Демокриту, существуют только атомы и пустота. При этом атомы – это мельчайшие неделимые частицы, обладающие формой. Соединяясь друг с другом в различных комбинациях, атомы образуют вещи. Свойства вещей зависят от формы атомов, их составляющих. Для вещей пространственные статические характеристики являются основными.

Время, как изменение, производно от пространства и понимается как мера движения частиц/тел в пространстве, как длительность. Таким образом, субстанциализм в мышлении людей Запада приводит к тому, что мир в их глазах предстает как множество разнообразных изолированных феноменов. Благодаря такой отнесенности к субстанции, понятия и категории могут быть определены как абстрактные и общие. Вещи и явления описываются на основе принципов аристотелевской логики: закона тождества, закона исключённого третьего, закона непротиворечия.

На основе субстанциализма можно представить взаимодействие культур и цивилизаций как взаимодействие в пространстве и во времени определённых целостностей, территорий.

Наряду с географическим определением Евразии это понятие использовалось и в социальных науках, в философии, искусстве и литературе.

С понятием Евразии связано возникновение в России в начале XX века философско-политического течения евразийства. В развёрнутом в XX веке споре между западниками и славянофилами о путях развития России каждая из сторон отстаивала свои позиции, исходя из моноцентризма. В то время как западники доказывали принадлежность России к Европе и, в силу ряда причин, способствовавших широкому введению европейских институтов в России (например, в образовании и науке), славянофилы защищали свою позицию – опору на собственные корни российской цивилизации. В частности, Николай Данилевский писал о том, что славянский культурно-исторический тип противостоит романо-германскому типу Европы. И это была хорошая попытка противостоять напору «цивилизационных» новшеств того времени: в армии и образовании муштра, штудирование; в науке – развитие опытно-экспериментальных наук; в производстве – индустриальные, поточные методы; в культуре – развитие классической западноевропейской музыки и других искусств.

Но евразийцы (Николай Трубецкой, Георгий Флоровский, Петр Савицкий, Лев Гумилёв, Лев Карсавин и другие), считали, что Россия – это своеобразный синтез Европы и Азии, это Евразия, в котором речь идёт о взаимодействии в данном пространстве принципиально различных культурно-исторических типов, цивилизаций. Рассмотрим, как он был реализован в евразийстве.

Синтез различных культурно-исторических типов, считали евразийцы, возможен вследствие территориального соседства, в котором складывалась относительная близость русского народа и азиатских народов, например, близость с туранскими народами, нежели с западными славянами. Это обусловлено тем, что русская культура синтезировала туранские психологические черты, которые повлияли на становлении российской державы. Именно в такой синтетической целостности отношения к миру Н. С. Трубецкой видел основу для создания единой евразийской общности. Народ Евразии представляет собой многонародную личность, которая идеологически оказывается на стороне против Запада, но в православном христианстве.

В разработке синтеза культур евразийцы были верны русской философской традиции, её идеям всеединства и соборности. Эти идеи восходят к неоплатонизму, философии Н. Кузанского, Г. Лейбница, Г. Гегеля, Ф. Шлегеля. В России же эти идеи развивались В. Соловьёвым, Е. Трубецким, Н. Лосским, С. Франком, П. Флоренским, С. Булгаковым уже в сочетании с принципом консубстанциальности.

Если субстанциализм исходит из того, что бытие существ мира по отношению друг к другу имеет внешний характер, то в консубстанциализме онтологически все существа тесно связаны внутренне. Как отмечал П. Флоренский, омиусианская философия рационализма на Западе – это философия вещи и безжизненной неподвижности. В омиусианской философии вечность личности заключается в её саморавенстве. В омиусинской же философии в соответствии с принципом консубстанциональности онтологизация внутренних отношений способствовала развитию идеи всеединства, идеи соборности как сочетания единства и свободы многих лиц на основе их общей любви к Богу и к абсолютным ценностям. Вместе с тем принцип консубстанциальности открывал дорогу реляционизму.

Если субстанциализм¹ на Западе развивался в некой расчлененности Целого, то в русской культуре актуальной является проблема единства, соборности и целостности как альтернатива западному подходу. Личностное начало, основанное на идее всеединства, оказывается необходимой структурой мышления в русской культуре и проявляется в самых разных сферах общественной жизни [1].

Следует отметить, что евразийцы разрабатывали промежуточную версию между субстанциализмом и реляционизмом (относительностью). Их обращение к консубстанциальности вызывало необходимость к переосмыслению пространства и времени. Несомненный интерес представляют попытки Л. П. Карсавина и Л. Н. Гумилёва продвинуться в направлении реляционизма.

В концепции симфонической личности Льва Карсавина (1882–1952 гг.) осуществлена попытка создания процессуальной модели мышления. Доминирующим в его концепции является понятие триединства как единства многого, или – единение. И поскольку единение или триединство является процессом, оно разворачивается во времени. Триединство обеспечивает целостность личности именно в перспективе изменения, времени: нет личности первой и нет последней, но есть всеединая личность – Логос.

Л. П. Карсавин сравнивал три пути отношения Бога к миру: теистическое, пантеистическое и христианское. Россия – это Евразия, и её миссия, по мнению Л. П. Карсавина, заключается в том, что «она своеобразно осуществляет человечество и сама осуществляется в ряде соборных личностей или наций» [2]. Связи такого многоединства проявляются как связи социальной личности со средой, выраженные в неологизме «место-развитие», которое предполагает не причинную, а конвергентную обусловленность [3, с. 190].

Литературовед В. И. Тюпа пишет, что конвергентное (солидарное) сознание полицентрично и диалогично. Оно предстаёт как «Ты-сознание, предполагающее самоидентификацию индивида с содержанием другого индивидуального сознания («Я» как «Ты» для другого). Широта конвергентной картины мира зависит от множественности «своих других» (не сливающихся в «референтную группу» роевого или авторитарного сознаний) и в принципе может быть бесконечной» [4, с. 154].

¹ Заметим, что древнегреческая идея субстанциональности оказалась весьма плодотворной для построения западноевропейской культуры и цивилизации.

Таким образом, Л. П. Карсавин представляет Евразию как место-развитие. Механизм Евразии содержится в диалектике единства – единения. Единство раскрывается в аспекте пространственности, тогда как единение – в аспекте временности. Евразия как процесс разворачивается через бесконечное множество моментов. Единение является ничем иным, как диалогическим отношением взаимодействующих «я».

Лев Гумилёв (1912–1992 гг.) был евразийцем второй половины XX века. Его меньше интересовали общественно-политические воззрения евразийства, поскольку всепоглощающим полем его интересов были проблемы этногенеза. Л. Н. Гумилёв изучал взаимодействие этносов, этногенез в дискретном времени, а не в дискретном пространстве, как это было принято в науке. Релятивизация времени, считал учёный, задаёт специфику существования различных живых систем, в том числе, и этносов. Л. Н. Гумилёв много писал о региональных тенденциях развития человеческих популяций. По его мнению, этногенез происходит в лоне культурного ландшафта («место-развития» по П. Савицкому [5, с. 283]). В отличие от геополитиков, делающих акцент на территории, ландшафте, Л. Н. Гумилёву было важно показать внутренние механизмы межэтнического взаимодействия, в связи с чем он построил свою концепцию, исходя из дискретности времени.

Л. Н. Гумилёвым было введено понятие «этнического поля», которое перекликалось с идеей всеединства, к которой обращались евразийцы на рубеже XIX–XX веков. Этносы, по его мнению, подчиняются именно релятивному времени. В XX веке в результате насильственного смешения этносов в целях их унификации, нарушения их изначальной специфики стала проявляться отрицательная комплиментарность. Эта стадия, переживаемая современной ему Россией, определялась Л. Н. Гумилёвым как фаза надлома. Также для Евразии, согласно концепции Л. Н. Гумилёва, была бы актуальной реализация идеи «общеευропейского дома», поскольку этот путь угрожал сменой естественного, евразийского кода.

Чем же является евразийский код? Для того чтобы ответить на этот вопрос, Л. Н. Гумилёв вступает в полемику со сторонниками примордиализма, которые считали, что этнос – это системная целостность, это «совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными чертами и особенностями культуры и психики» [6, с. 58]. Такой подход основан на использовании принципа подобия, сходства, лежащего в основе субстанциализма. Усложнённая система этнос или суперэтнос также держится не на сходстве входящих в него людей, но на устойчивости характера и направления связей [7].

Не общность языка, обычаев, происхождения, идеологии, материальной культуры определяет этническую принадлежность, а признание каждой особью установки «мы такие-то, а все прочие другие» (отношение «Я – Другой»). Этносы характеризуются сложившимся под влиянием особого этноландшафта определённым стереотипом поведения.

Границы Евразии не совпадают с границами СССР. Евразию определяют семь суперэтносов, упомянутых выше. Каждый из суперэтносов занимает свою экологическую нишу и обладает своей неповторимой исторической судьбой. Л. Н. Гумилёв тесно связывает историческую судьбу с оригинальным стереотипом поведения и традицией взаимоотношений с соседними суперэтносами. Слияние суперэтносов вряд ли осуществимо, поэтому модель Евразии полиэтнична. Условием стабильности Евразии является положительная комплиментарность как неосознанная и неопределённая какими-либо видимыми причинами взаимная симпатия различных суперэтносов и даже отдельных персон [7].

В предложенной Л. Н. Гумилёвым историко-философской альтернативе просветительской модели универсального линейного прогресса понятие этнического поля оказалось несовместимо с субстанциализмом. Чтобы объяснить процессы взаимодействия этносов, создания исторической судьбы, Л. Н. Гумилёв обратился к идеям квантования времени в астрофизике. Контакт этносов происходит под воздействием противоположных импульсов – сохранения и пассионарности. В зависимости от интенсивности приложения энергии в этническом поле происходит ускорение или замедление естественного хода событий. Таким образом, Евразия представала как иерархическая динамическая модель взаимодействующих суперэтносов и субэтносов, имеющая системооб-

разующий центр или вершину. Как центр, так и периферия, и соответственно, границы Евразии определяются интенсивностью импульсов сохранения и пассионарности. Это организм, который проходил бы через стадии роста и упадка. Евразия – это определённое состояние этнического поля.

Для евразийцев стоит вопрос о внутреннем стержне Евразии, о том, как происходит консолидация разных культурно-исторических типов, этносов, цивилизаций в рамках Евразии. Основной вопрос для Евразии – как взаимодействует русская культура с азиатскими, решается как вопрос внутреннего содержания Евразии. Определяются границы Евразии. Заслуживает особого внимания обращение евразийцев к традиции в русской философии, к идеям всеединства, консубстанциальности, диалогического отношения и др. Евразия конструируется как замкнутая система со своим центром, периферией, границами и иерархией.

В XXI веке известный философ, китаевед В. В. Малявин (род. 13 сентября 1950 года) разрабатывает проект Евразии как синтез русской и дальневосточной цивилизаций. С точки зрения методологии идеи Евразии В. В. Малявин осуществляет важный поворот, изменяя акцент с консубстанциализма на реляционизм.

Если консубстанциализм, подчеркивая динамическое отношение между Я и Другим, все же не расстаётся до конца с субстанциализмом, то реляционизм характеризуется кардинально иным пониманием пространства и времени. Отношение между Я и Другим описывается на основе темпоральной картины мира. Иначе говоря, это уже не статичная в своём основании, но процессуальная картина мира. Понятия, которыми оперирует В. В. Малявин, такие, как «превращение», «таковость», «совместность», «подобие», «событие-событийность», «соответствие-соответственность» и т. д., конструируются на основе временности, то есть изменчивости. «Подлинное начало – это спонтанное событие, которое несёт в себе «вечно иное», и в своём пределе... соответствует событийности всего сущего» [8, с. 131].

Моделирующим началом Евразии является образ пустыни. Пустыня – это сферическое пространство, в котором нет ни тождества, ни различия чего бы то ни было. Описывая пространственные характеристики сферы, В. В. Малявин отмечает, что речь идёт о бесконечно ограничивающем и самоограничивающемся круговороте бытия.

Пространство евразийского мира одновременно является и временем, разворачивается в виде двойной спирали. Это событие, функциональность всех функций, действенность всех действий. Основной составляющей пустыни является взаимодействие небесного и человеческого начал, которое характеризуется их попеременным главенством и, в конечном счёте – равновесием [9, с. 46]. Противоположности стремятся к взаимному соответствию. Но в мире, рассматриваемом как процесс, соответствие выступает вне тождества и различия. Оно высшая форма, предел всех превращений, потому что возвращает, оставляет превращение себе [8, с. 137].

В подходе к отношению «Я – Другой» В. В. Малявин остаётся в русле традиций русской философии. «Я» не является самотождественным. Образ пустыни есть место встречи Я и Другого. Он пишет, что уход в пустыню означает возврат к началу всего сущего. «Мать-пустыня» в русском фольклоре несёт смысл «вечной отдачи себя Другому, нескончаемый переход из ничего в (как бы) нечто» [8, с. 126]. Свой метод В. В. Малявин называет «просветлённым незнанием». Он соотносит реляционные понятия в даосизме с понятиями русской ментальности, например, пустынноничество и Дао. Он находит сходства в восприятии мира: «не кто-то открывает мир, а мир сам открывается. Правда жизни там, где я не ограничиваю себя своей субъектностью, где я и мир – как одно, ибо в этом мире свободного протекания жизни все есть во всем, но ничто ничему не тождественно. Здесь все принадлежит абсолютному различию» [8, с. 192].

Реляционность обусловлена пустыней. Она, как пустота чистого зеркала, выявляет не содержание мышления, а мир «в его исконном состоянии – как динамической, бесформенно-пустотной и потому как бы сферической цельности несотворенного, самодостаточного, текучего и непреходящего тела жизни» [9, с. 46]. В таком мире присутствуют не вещи, но длительности. В силу этого «пустынное пространство Евразии не имеет образа или формы именно потому, что постоянно

ускользает от самого себя, обращается в своё инобытие и оставляет после себя, как свет отбрасывает тень, необозримый сонм образов, океан миражей. Его бог – это все, чем богат мир, абсолютная единичность, «таковость» каждой вещи, каковая вовсе не тождественна её предметным характеристикам, но составляет скорее невещественный предел существования, внутренний импульс бытийных метаморфоз» [9, с. 56].

Таким образом, Евразия В. В. Малявина – это «мир пустынножительства», духовного самопознания. Это иная реальность, нежели государство, хозяйственно-культурный тип. Для того чтобы описать Евразию, исследователь обращается к метацивилизационному подходу. Именно пустыня становится реляционным полем и точкой отсчёта для дальневосточной и русской цивилизаций. Пустыня задаёт ритм вселенской жизни, и в её концентрической конфигурации в соответствии со степенями просветлённости воссоздается иерархия социокультурных форм.

Но не только восточные идеи даосизма, буддизма вдохновляют В. В. Малявина. Он также обращается к постмодернизму Ж.-П. Нанси, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара и др. Постмодернистская критика субстанциализма открывает дорогу для разработки принципа различия или разнообразия и переосмысления времени. Именно саморазличие, а не самотождественность определяют индивидуальную или культурную идентичность.

В. В. Малявин считает, что евразийская личность не сводится к единичности отдельного индивидуума, человек «не есть самотождественное «я», но определяется как иерархия состояний: отец/сын, учитель/ученик, мать/дети и т. д. Вследствие принципа недвойственности бытия «каждая вещь существует ровно в той мере, в какой она включает в себя нечто другое, всякое бытие оправдывается и удостоверяется его инаковостью» [8, с. 63, 70]. Иначе говоря, именно отношение (реляция) Я и Другого определяет евразийскую личность.

Евразийское сообщество представляет собой третий тип социальности. Она отличается от мобилизационной корпорации модерна, так и от постмодернистского сообщества рассеянного, сетевого типа.

Исследователь выделяет «три особенности культурно-исторического бытия евразийского пространства:

1) евразийское содружество действительно основывается на совместности и даже, можно сказать, со-вместительности по известному принципу восточной мысли: «вещи вмещают друг друга», тьма вещей – как сеть, в которой нет начала» (Чжуань-цзы) <...>...

2) между-бытность само-различия утверждает бесконечность в самой конечности всего сущего, точнее всего, что бывает <...>...

3) евразийское содружество не нуждается в трансцендентных или формальных принципах организации общества и политики. Азиатские общества, не исключая Россию <...>, сплочены не идеями и даже не ценностями, а опытом постижения глубочайших основ сознания <...>» [8, с. 349].

Следовательно, евразийское сообщество – это неформальное объединение, в котором исчезает различие между центром и периферией, локальностью и всемирностью. Евразийское мирознание не знает ни гражданских прав, ни общественности, ни политики как публичного соперничества. Однако имеется некое консолидирующее ядро, внутренний центр, и это власть. Она поддерживает вертикальную иерархию личного самосовершенствования. Природой власти является связь, бытийность всего сущего. Она «предоставляет всем вещам быть такими, какими они есть и должны быть» [8, с. 312]. Она восполняет вещи и хранит полноту существования всех вещей.

Власть служит моральным авторитетом. Её мерой является степень открытости миру, способность «соответствовать переменам», приводить к равновесию, гармонизировать любое противостояние.

Центральная для евразийского мировоззрения философия недальности раскрывается как нетождественность и нераздельность сознания и бытия, идеи и вещи. По мнению В. В. Малявина, обращение к традициям дальневосточной мысли позволяет преодолеть присутствовавшее в истории евразийства эклектическое смешение азиатского «всеединства» и европейской аналитической рациональности. И если классическое западное мышление отождествляет сознание

с его предметным содержанием, сводит сознание к сознанию чего-то, то восточное сознание стремится «свести сознание к его пределу, к акту (само)превращения» [8, с. 96].

Рассмотрев три евразийских модели личности – «симфоническую личность» Л. П. Карсавина, пассионарную личность Л. Н. Гумилёва и личность Пустыни В. П. Малявина, – можно отметить следующее. Все предложенные модели направлены на преодоление самотождественности классического западного «Я» путём признания недуральности бытия. И если в отношении «Я и Другой» Л. П. Карсавин делал акцент на отношение между Я и Другим, опираясь на консубстанциальность, то Л. Н. Гумилёв и В. В. Малявин для того, чтобы подчеркнуть определяющую роль отношения между Я и Другим, обращаются к реляционизму.

В рассмотренных выше концепциях Евразии наблюдается перенесение идеи Евразии в метаполитическое, а далее и вовсе в метацивилизационное пространство. В работах В. В. Малявина Евразия как модель духовного самосовершенствования обретает всемирное звучание.

Список литературы

1. Морохоева, З. Диалог культур Востока и Запада в эпоху глобализации. Перспектива Евро-Азии. – [Варшава] : Киев : Таксон, 2013. – 332 с.
2. Карсавин, Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – Москва : Наука, 1993. – 367 с.
3. Карсавин Л. П. О личности. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1.
4. Тюпа, В. И. Диагностика ментального кризиса // Мир России. – 2002. – № 1. – С. 153–165.
5. Географический обзор России-Евразии // Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – Москва : Аграф, 1997. – 461 с. – (Новая история).
6. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. – Москва : Наука, 1983. – 412 с.
7. Гумилёв, Л. Н. Этнические процессы: два подхода к изучению / Л. Н. Гумилёв, К. П. Иванов // Социологические исследования. – 1992. – № 1. – С. 50–57.
8. Малявин В. В. Евразия и всемирность. – Москва : РИПОЛ Классик, 2015. – 350 с. : ил.
9. Малявин, В. В. Для чего Евразия? О евразийстве, пустынночестве и макиавеллизме в политике // Развитие и экономика. – 2013. – № 6. – С. 46–71.

Zoya P. Morokhova, Dr. of Philosophical Sciences, Professor
University of Warsaw (Warsaw, Poland)
dharmal710@gmail.com

EURASIA AND INTERACTION BETWEEN CIVILIZATIONS AND CULTURES

Abstract. The paper discloses some results of etymological analysis of a concept *Eurasia*; shades of term meaning appear depending on a context of usage (in philosophical discourse, geographic science, political thought, literature) are cleared up. The views of the outstanding Russian theorists of the Eurasianism, such as philosopher and historian *Lev Karsavin* (1882–1952), ethnologist and philosopher *Lev Gumilyov* (1912–1992), on peer-to-peer dialogue of civilizations considered as an essential condition for close cultural contact between ethnic communities of the Eurasian macro-region are outlined. Also, the author discloses a specifics of reception of classic philosophical heritage of Eurasianists in studies run by today's Russian scientists, in particular philosopher and scholar of China *Vladimir Malyavin* (born 1950) who considers the Eurasian projects as a harmonic elemental synthesis of Russian and Far Eastern civilizations.

Keywords: *Eurasia, Eurasianism, consubstantiality, relationism, interaction between civilizations and cultures, “Me and the Other”, dialogue, Lev Karsavin, Lev Gumilyov, Vladimir Malyavin.*